

С.Г. Максимова

Социальные ситуации фрустрации лиц пожилого и старческого возраста в контексте социально-психологической дезадаптации

В последнее время в мире происходят значительные изменения в возрастной структуре населения: общее постарение, или «демографическая революция». Например, в конце 80-х гг. в стране насчитывалось 40 млн чел. пенсионного возраста, а к 2000 г. ожидается, что эта цифра возрастет до 57 млн чел. К этому же году 11% населения Земли составят люди в возрасте старше 60 лет.

Рассматривая социальные, социально-психологические, моральные, правовые, трудовые аспекты процесса старения, нельзя не отметить, что переходный период в России характеризуется не только сложной экономической и политической ситуацией, но и своеобразным шоком, крушением надежд и чаяний большей части населения. Следует отметить, что такое положение дел, являясь характерным для периодов нестабильности вообще, особенно болезненно переживается в первую очередь людьми пожилого возраста.

И этому есть ряд причин, резко выделяющих эту возрастную группу из всех остальных категорий населения. Одна из них состоит в том, что в периоды исторической нестабильности происходит ломка устоявшихся точек зрения, переосмысления прошлого и т.д. Данный факт достаточно тяжело переживают представители не только пожилого возраста, но и более молодых возрастных групп. Однако именно пожилые люди испытывают наибольшую степень фрустрации, которая связана с переживаниями типа «жизнь прожита зря, и то, что делало их поколение на протяжении многих лет, оказалось неправильным и никому не нужным».

Другой из них является, как справедливо заметил Б.З. Вульф, «драма невостребованности» – главная драма пожилого человека (если не считать инвалидность, тяжелую болезнь, нищету, бесприютность). Это ощущение или опасение собственной ненужности. Поэтому изучение социально-психологических проблем пожилого возраста представляет одну из насущных проблем современного общества, так как возможны различные личностные изменения у пожилых людей, приводящие к разной степени нарушения взаимодействия их с социальной средой. Знание обществом специфики протекания процесса старения, включенности пожилых людей в общественные отношения, уровня их адаптации и приспособляемости является одним из условий оптимизации взаимоотношений в обществе между представителями различных половозрастных групп, что облегчало

бы приспособление людей позднего возраста к своим возрастным изменениям, к возрасту «социальных потерь» (статуса, работы, ролей) [1–4].

Методологической основой описания объекта исследования и выбора методов анализа является концепция комплексной оценки жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности. При этом жизненные силы понимаются как наличная способность субъекта жизнеосуществления к воспроизводству и осуществлению жизни как биосоциального общества, способности к эффективному удовлетворению потребностей, поддержания жизнеобеспечения и деятельного существования во всех сферах общества, уровнях его организации [5].

Для старшего поколения характерны не только неблагоприятные сдвиги в организме, связанные с процессом старения, ухудшением здоровья и снижением трудоспособности, но также значительные изменения в жизненных условиях и обстановке, в общественных и семейных ролях, характере социальных и дружеских контактов, в большей степени обращение к прошлому, анализ и оценка.

Для изучения и анализа жизненных ситуаций, приводящих к состоянию фрустрации лиц пожилого и старческого возраста, была разработана программа исследования, на основе которой в марте 1999 г. проводился опрос 100 одиноких стариков, проживающих в Барнауле. Анкета состояла из блоков, которые отражали следующие вопросы: общие сведения о респонденте; его материально-бытовые условия; состояние здоровья; образ жизни. Кроме социально-психологического опроса, было проведено психологическое обследование лиц пожилого и старческого возраста.

Психологические особенности людей престарелого возраста определялись с помощью стандартизированных процедур: опросника самоотношения В.В. Столина [6], шкалы социально-психологической адаптированности, разработанной К. Роджерсом, Р. Даймондом и адаптированной Т.В. Снегиревой, методики рисуночной фрустрации Розенцвейга [7].

Выявление функциональных взаимозависимостей между психологическими данными проводилось с помощью дисперсионного, факторного и корреляционного анализов. Результаты оценивались с помощью Т-критерия Стьюдента [8].

Научное исследование было проведено в группе одиноких лиц пожилого и старческого возраста,

проживающих в Барнауле, среди респондентов 16% в возрасте 55 – 65 лет, 49% – 66–75 лет, 26% – 76–85 лет.

В выборке 29% мужчин и 71% женщин, причем основную массу составляли мужчины и женщины в возрасте 66–75 лет. Образовательный уровень одиноких лиц старших возрастов невысокий: 41% респондентов имеют незаконченное среднее образование; 4% – среднее образование; 34% – средне специальное и 20% высшее. Причем уровень образования мужчин выше, чем женщин. Что касается социального положения, то ранее были рабочими 50%, служащими – 49%. Таким образом, можно заметить такой феномен, как увеличение доли пожилых женщин по сравнению с долей мужчин.

Вступление в шестой или седьмой десяток лет невольно подводит пожилого человека к определению старости, ее составляющих компонентов. На вопрос «Дайте Ваше собственное определение старости» ответы распределились следующим образом: 19% считают, что старость – не радость, 9% – пора на покой, 3% – пора смертного собираться, 16% – старость – обуза, 26% – болезни, 19% – естественный процесс, 10% – старость – подведение итогов. Таким образом, полученные ответы можно разделить на две группы: для первой характерно негативное переживание старости, отождествление старости со смертью, обузой, многочисленными болезнями и нерадостными событиями. Для второй группы характерно адекватное восприятие и ощущение старости, которая в данном случае ассоциируется с естественным жизненным процессом, подведением итогов прожитой жизни. Думается, что негативные оценки старости во многом связаны с мощным влиянием коллективного общественного мнения, которое в значительной мере ответственно за самочувствие, настроение, поведение и даже состояние здоровья пожилых людей.

Интересно отметить тот факт, что женщинам в большей степени характерны такие определения старости, как старость – не радость (10%), старость – пора на покой (6%), старость – обуза (8%), старость – болезни (13%). Для мужчин старость – это болезни (5%) и подведение итогов (6%).

Также можно выявить динамику определения старости в возрастном аспекте: для 55–65-летних характерно определение старости как болезни (3%), естественного процесса (3%) и подведения итогов (3%), для 66–75-летних старость ассоциируется с обузой (9%) и болезнями (8%), для 76–85-летних старость – это болезни (7%).

Многие исследователи обратили внимание на то, что один из самых глубоких психосоциальных

кризисов личности связан с выходом на пенсию, и в контексте данной проблемы нас интересует правильное эмоциональное реагирование человека в связи с выходом на пенсию, что может отразиться в дальнейшем и на последующей адаптации личности пожилого человека к своему положению.

Данные свидетельствуют, что 39% опрошенных переживали, плакали, 36% не переживали, спокойно реагировали, 6% устали работать, ждали пенсию, 3% ушли по болезни, 10% радовались, что дожили до пенсии, 4% некоторое время посидели и пошли работать, 3% не желали уходить.

Согласно полученным результатам можно сделать вывод, что для одних выход на пенсию явился стрессом, нежеланием смириться с существующим положением, для других характерна психологическая готовность к выходу на пенсию, поэтому он не слишком отразился на личностном самочувствии, для третьих – желание отдохнуть от работы и т.д.

Интересно отметить, что выход на пенсию по-разному воспринимается мужчинами и женщинами. Женщинам в большей степени характерно эмоциональное переживание, связанное с грустью, нежеланием уходить. У мужчин выход на пенсию проходил спокойно, без особых переживаний, что говорит о высокой степени приспособления к новой ситуации.

Важнейшие значения для пожилого человека имеют его семейные и дружеские связи, роль которых возрастает с выходом на пенсию. По результатам анализа выявлено, что 73% респондентов говорят, что бывать на людях для них так же приятно, как раньше, 7% заставляют себя общаться с другими людьми, у 17% нет никакого желания встречаться с кем-либо. Таким образом, можно сделать вывод, что желание общаться не уменьшается в связи с возрастной динамикой.

Размышления о прожитой жизни, о реализации целей, которые считаются важными, происходят постоянно и в различном возрасте. Однако более вдумчивое отношение к анализу прожитой жизни появляется только у старых людей, когда в перспективе времени они уже в состоянии оценить, что в их жизни было действительно ценным, а что только таким казалось. Обычно такой жизненный баланс более или менее сознательно подводится после выхода на пенсию.

Ответы на вопрос «Как часто вы думаете о том, что жизнь прожита зря?» распределились следующим образом: часто – 23%, никогда – 41% и иногда – 25%.

Согласно концепции Эриксона восьмой кризис – кризис старости – знаменует собой завершение предшествующего жизненного пути, и решение этого кризиса зависит от того, как этот

путь был пройден. Человек подводит жизненные итоги, и если он убежден, что жизнь состоялась, то он уравновешен и спокойно смотрит в будущее. Если же человек приходит к печальным выводам, что жизнь прожита зря, выбор спутника, профессии были ошибками (теперь уже непоправимыми), то его настигает чувство бессилия что-либо исправить и страх смерти.

Интересно отметить, что лица в возрасте 75–85 лет (41%) никогда не думают, что жизнь прожита зря. Пришло смирение и осознание того, что жизнь уже прошла и незачем ворошить прошлое, и в прошлом были счастливые, радостные события.

«Третий возраст» характеризуется тем, что люди начинают (или продолжают) подводить итоги жизненного пути, и, «подытожив то, что прожит», приходят часто к неутешительным выводам. Г. Селье утверждал, что «стресс рухнувшей надежды» со значительно большей вероятностью, чем любые физические перегрузки, ведет к таким заболеваниям, как мигрень, повышенная раздражительность [9].

Можно отметить, что для пожилого человека степень фрустрации зависит от рассуждений по поводу: оглядываясь на свою прожитую жизнь, я думаю, что мог многое сделать, но не сделал – 37%, сделал, но не получилось или получилось, но не то – 11%, то, к чему стремился, оказалось миражом – 4%, получилось, но не все – 40%, сделал все, что задумал – 7%.

Данные анкеты свидетельствуют, что состояние фрустрированности лиц пожилого и старческого возраста связано с ответами: «мог, но не сделал», «сделал, но не получилось или получилось, но не то». Происходит переоценка ценностей. Случается, бывшие достижения и успехи заносятся в ряд неудач и ошибок. Состояние фрустрации, невозможности изменить прожитую жизнь, чувство безысходности и грусти присущи как мужчинам, так и женщинам. 21% женщин ответили, что могли многое сделать, но не сделали; получилось, но не все – 17%.

Ощущение зря прожитой жизни, крушение планов напрямую связаны с тем, будет ли пожилой человек считать себя удачливым или неудачником. 39% ответили, что в жизни им большей частью везло; 19% ответили, что неудач и провалов у них было больше, чем у кого-либо другого; 43% считают себя неудачниками. Женщины заняли многочисленную группу – 25% – и ответили, что неудач и провалов у них было больше, чем у кого-либо другого.

Данные цифры свидетельствуют, что существенным для пожилого человека является резкое изменение структуры его психологического време-

ни. На протяжении почти всего индивидуального пути человек привык жить планами, близкими и отдаленными целями, проектами и замыслами – разными формами будущего. Между тем для многих пожилых людей выход на пенсию – это потеря будущего, когда жизненный мир представляется неопределенным и бессодержательным. Л.В. Бороздина и И.А. Спиридонова приводят следующие экспериментальные данные исследования временной трансперспективы личности: «К 50 годам люди думают, что они прогрессируют в своем развитии, в 60 – прошлое, настоящее и будущее оцениваются равно, а в 70 лет прошлое кажется лучше, чем настоящее, а настоящее лучше, чем будущее» (цит. по: [2]).

При анализе ответов на вопрос: «Какой период жизни Вы считаете лучшим?» ответы распределились следующим образом: молодость – 46%, 30–45 лет – 39%, 46–55 лет – 7%, весь период жизни был хорошим – 1%, не было такого периода – 7%.

Таким образом, наблюдается интересная особенность, что респонденты позднего возраста склонны располагать «лучший» возраст в прошлом, пенсионеры в возрасте 76–85 лет в 12% случаев считают «лучшим» периодом молодость, респонденты в возрасте 66–75 лет склонны считать «лучшим» возраст 40 лет, в то время как респонденты в возрасте 55–65 лет – в настоящем.

Отношение общества к старикам отражает уровень цивилизованности этого общества, несущего ответственность за социальное, материальное, психологическое, комфортное положение людей преклонного возраста.

Как известно, одной из самых активно и порой агрессивно обсуждаемых тем для пожилого человека является проблема материального обеспечения, от которого в свою очередь зависит положительный или отрицательный жизненный настрой.

На вопрос: «Как Вам живется в материальном отношении?» 7% ответили, что хорошо, 59% – средне, 33% – плохо и 1% – очень плохо, причем низкая удовлетворенность материальным положением в равной степени тяжело и болезненно переживается как мужчинами, так и женщинами, вне зависимости от уровня образования, возраста, места проживания.

На вопрос: «Как Вам жилось год тому назад?» ответы распределились следующим образом: 19% – лучше, 76% – так же, 6% – хуже. Таким образом, цифры свидетельствуют, что материальное положение не улучшилось по сравнению с прошлым годом, а осталось на прежнем уровне.

Подтверждением кризисного материального положения и отсутствия надежды на его улучшение или изменение служат ответы на просьбу: «Оп-

ределите уровень Вашего материального достатка». Ответы респондентов распределились следующим образом: 6% считают, что живут очень бедно, фактически голодают, денег не хватает даже на питание; 47% – живут бедно, денег хватает только на скромное питание; 47% – живут средне, денег хватает на питание и покупку самой необходимой одежды.

На вопрос «Как Вы думаете, в 1999–2000 гг. Ваша жизнь улучшится или ухудшится?» 14% уверены в переменах к лучшему, 24% считают, что никаких перемен в жизни не произойдет, 39% – самая многочисленная группа – опасаются перемен к худшему, 20% уверены в переменах к худшему. Причем 16% мужчин и столько же женщин заявили, что опасаются перемен к худшему. Такая тенденция характерна для всех возрастов и вне зависимости от места проживания.

У пожилого человека, находящегося в таком положении, всегда происходит оценка степени недовольства или неудовлетворенности условиями жизни: 23% ответили, что так жить невозможно, 63% – так жить очень трудно, 14% – так жить можно.

Таким образом, ситуация такова, что реакция пожилого человека на происходящие социально-психологические изменения не всегда бывает положительной, а в большинстве случаев носит агрессивный, осуждающий, дестабилизирующий характер, нарушающий привычный ход жизнедеятельности пожилого человека.

Отвечая на вопрос «На Ваш взгляд, в данной ситуации можно найти выход?», 24% высказали надежду, что выход найти можно; 61% считают, что нет, так как государство виновато в этом; 14% – затрудняются ответить.

Большинство пожилых людей отрицательно оценивают государственную политику по отношению к пожилым людям, и об этом свидетельствуют цифры: 81% – отрицательная оценка, 17% – скорее отрицательная, чем положительная.

О недовольстве пожилых людей по поводу отношения государства к старикам на сегодняшний день свидетельствуют следующие данные: на вопрос «Как, на Ваш взгляд, государство относится сегодня к старикам?» 11% считают, что лучше, чем к другим группам населения, 13% – так же, как к другим группам населения, 76% – хуже, чем к другим группам населения. Несмотря на удручающее положение, ответы на вопрос: «Какие формы борьбы за свои права Вы считаете приемлемыми для себя?» распределились следующим образом: 74% не собираются участвовать в какой-либо борьбе за свои права, 20% предпочитают

формы, разрешенные законом (собрания, забастовки), 6% выбрали любые формы, в том числе и гражданское неповиновение.

Значительное ослабление преемственности знаний, стремительное развитие общества и научно-технический прогресс обесценили понятие опыта пожилых, опыт уже не эквивалентен знаниям, и пожилым не удастся включиться в социальную эволюцию. Поэтому они не могут быть образцом для подражания для молодых, не могут быть для них авторитетами и «стратегическими учителями».

Об этом свидетельствуют ответы на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что молодые все меньше прислушиваются к мнению старых людей?» 4% ответили положительно, 90% – отрицательно, считают, что государство виновато в этом, 6% – никак не относятся, их это не волнует.

Отвечая на вопрос «Какое, по Вашему мнению, характерное отношение к старикам?», 22% считают, что отношение молодежи уважительное, почитаемое; 56% считают, что безразличное, грубое; 22% – по-разному.

Таким образом, можно сделать вывод, что для лиц пожилого и старческого возраста очень важным элементом оценки собственной жизни является чувство социальной полезности, значимости. Возможность поделиться с младшим поколением собственным профессиональным опытом, знанием жизни повышала значимость прошедшей жизни, придавала объективную ценность переживаниям исследуемых людей, пробуждая в них чувство, что их собственные труды и неудачи «не пропали даром». Вполне вероятно, что возможность поделиться с другими личным опытом позволила бы одиноким и беспомощным людям изменить негативный жизненный баланс.

На какой бы ступени иерархической лестницы ни находился старик, высокой или низкой, его постоянно преследует мрачный грифон, вонзая когти в самую душу. Имя этому чудовищу – «ненужность». Об этом свидетельствуют и ответы на вопрос «Ощущаете ли Вы свою ненужность, ничтожность?» – 51% ответили, что да, 30% – нет, 19% – иногда.

Интересно отметить, что ощущение покинутости сильнее переживают женщины – 28%, чем мужчины – 11%. Можно предположить, что это связано с различиями в стиле жизни обоих полов, с определенными социальными ролями мужчины и женщины. Для женщины характерно наличие 2–3-х ролей, у мужчины, как правило, это профессиональная сфера, и поэтому потеря ролей, чувство одиночества, отсутствие детей, заботы вызывает наибольшую степень фрустрации, которая мешает удовлетворению потребности в нужности, значимости.

Наиболее сложным фактором дезадаптации является чувство одиночества. Поверхностные контакты со знакомыми, родственниками оказывают нередко травмирующее воздействие, еще больше заостряя ощущение оторванности от людей, отсутствия человеческого тепла и участия. Для этих людей характерна низкая удовлетворенность жизнью в целом, хуже настроение, чаще встречается ожидание неприятных событий в будущем. На вопрос «Ощущаете ли Вы свою ненужность, никчемность?» 51% ответили, что да; 30% – нет, 19% – иногда. Примечательно, что одиночество наиболее болезненно переживается женщинами – 40%, и только 14% у мужчин.

Также наибольшую степень переживания состояния одиночества испытывают пожилые люди, проживающие в доме-интернате. Это можно объяснить ощущением ненужности, покинутости, осуждением ситуаций, вызывающих наибольшую степень фрустрации у пожилых людей. Негативные эмоциональные переживания в старости вызывают ощущение приближения конца жизни.

Некоторые исследователи даже называют старость динамичным процессом действий и реакций, происходящих между психикой, телом, меняющейся ситуацией в мире и приближающейся смертью. Диапазон чувств, сопутствующих этому явлению, может быть совершенно противоположным: это и спокойное восприятие, и нетерпеливое ожидание, игнорирование, агрессия или страх.

Калифорнийские ученые, изучающие процессы приспособления к старости, утверждают, что существует зависимость между адаптацией к старости и отношением к смерти. Анализ результатов исследований указывает на существование трех основных типов отношения к смерти: позитивного, который иллюстрируют такие заявления, что «это начало новой, лучшей жизни» – 9%; защитного, выраженного словами «я чувствую себя хорошо и не имею оснований об этом думать» – 19%; связанного со страхом, для которого характерны высказывания типа «это ужасно, конец всего!» – 39%, а также отношения к смерти как к естественному процессу – 34%.

Для пожилого человека характерно болезненное переживание временной перспективы – отношения к будущему. Ответы на вопрос «С каким настроением Вы смотрите в будущее?» распределились следующим образом: с надеждой и оптимизмом – 7%, спокойно, без особых надежд и иллюзий – 41%, с тревогой и неуверенностью – 39%, со страхом и отчаянием – 12%.

На следующем этапе изучались показатели социально-психологической адаптации, самооценки, типов и направлений фрустрационных реакций у мужчин и женщин пожилого и старческого возраста.

По результатам дисперсионного анализа показателей социально-психологической адаптации удалось установить, что средние значения по коэффициенту адаптации у мужчин ($51,65 \pm 1,87$) выше, чем у женщин ($43,48 \pm 1,31$), а коэффициент дезадаптации у женщин ($27,76 \pm 1,33$) выше, чем у мужчин ($19,35 \pm 2,18$).

Из этого можно сделать вывод, что женщины более дезадаптированы, в отличие от мужчин. Это связано с тем, что у женщин достоверно выше, чем у мужчин, средние значения по шкалам: принятие себя ($22,4 \pm 0,91$), конфликтность с другими ($25,78 \pm 1,20$), эмоциональный дискомфорт ($34,38 \pm 1,43$), внешний контроль ($37,78 \pm 1,46$), уход от проблем ($18,36 \pm 0,69$). Соответственно, средние значения у мужчин по шкалам следующие: принятие себя ($18,3 \pm 1,20$), конфликтность с другими ($20,3 \pm 1,26$), эмоциональный дискомфорт ($24,35 \pm 1,74$), внешний контроль ($24,8 \pm 2,20$), уход от проблем ($15,2 \pm 0,75$).

Таким образом, можно сделать вывод, что у женщин состояние дезадаптации напрямую связано с принятием себя, конфликтностью с другими, эмоциональным дискомфортом, внешним контролем, уходом от проблем.

В результате анализа показателей самооценки удалось установить, что у мужчин средние значения по шкалам следующие: самоуверенность ($6,9 \pm 0,33$), отраженное самоотношение ($7,3 \pm 0,41$), самоценность ($7,8 \pm 0,40$), самопривязанность ($8,8 \pm 0,32$) выше, чем у женщин. Средние значения у женщин по шкалам: самоуверенности ($5,7 \pm 0,21$), отраженного самоотношения ($7,3 \pm 0,41$), самоценности ($7,8 \pm 0,40$), самопривязанности ($7,48 \pm 0,26$). В свою очередь у женщин достоверно выше средние значения по шкалам: внутренняя конфликтность ($6,96 \pm 0,24$) и самообвинение ($6,64 \pm 0,27$). Средние значения у мужчин по шкалам: внутренняя конфликтность ($5,05 \pm 0,42$) и самообвинение ($4,9 \pm 0,31$).

Из этого можно сделать вывод, что мужчины легче принимают себя, они более самоуверенны, у них высокое самоотношение и ощущение силы своего «Я»; соответственно этому они считают, что способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, для них также в большей степени характерно ощущение ценности собственной жизни.

В отличие от мужчин женщины не принимают себя, и это связано в большей степени с наличием внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, с чрезмерным самокопанием и рефлексией, что проявляется в негативном эмоциональном фоне по отношению к себе.

По показателям типа и направления реакций в ситуации фрустрации можно отметить, что при

возникновении препятствия, мешающего удовлетворению какой-либо жизненной потребности, женщинам свойствен самозащитный тип реакции, который свидетельствует, что субъект займет позицию порицания кого-либо, отрицания или признания собственной вины, уклонения от упрека; все усилия направлены на защиту своего «Я». Мужчинам ($11,44 \pm 0,84$) в отличие от женщин ($8,40 \pm 0,80$) свойственна потребность найти решение конфликтной ситуации в помощи от других лиц, принятия на себя обязанности разрешить ситуацию.

По результатам корреляционного и факторного анализов психологических показателей социально-психологической адаптации, самооотношения и типа реагирования в ситуациях фрустрации у мужчин пожилого и старческого возраста выявлено, что на формирование состояния дезадаптации оказывают влияние такие психологические особенности личности, как непринятие себя, конфликтность с другими, эмоциональный дискомфорт, ожидание контроля со стороны, подчинение, уход от проблем, наличие внутренних конфликтов, сомнения, несогласия с собой. И, как следствие, реакцией на ситуацию фрустрации будет агрессия, направленная на других, осуждение внешней причины фрустрации, подчеркивание субъектом степени фрустрирующей ситуации, иногда разрешения ситуации требуют от другого лица.

Результаты корреляционного и факторного анализов психологических показателей социально-психологической адаптации, самооотношения и типа реагирования в ситуации фрустрации у женщин пожилого и старческого возраста показывают, что женщины

в большей степени склонны к формированию состояния адаптации, которое связано с принятием себя, эмоциональным комфортом, самоуверенностью, саморуководством, самооценностью, самопринятием, самопривязанностью.

В ситуациях фрустрации у женщин будут преобладать импунитивные реакции «с фиксацией на удовлетворении потребностей», означающие выражение надежды, что время, ход событий разрешат проблему, просто необходимо немного подождать или же взаимопонимание и взаимоуступчивость устранят фрустрирующую ситуацию.

Таким образом, постановка проблемы взаимосвязи и взаимозависимости жизненной ситуации и образа Я, личности в пожилом возрасте, системы представлений лиц пожилого и старческого возраста о себе, а также связанные с ней вопросы изучения переходных периодов, возникновения критических ситуаций и возможных путей их преодоления имеют большое значение как для успешной психологической диагностики, так и для психокоррекционной работы с лицами пожилого и старческого возраста.

Вполне вероятно, что вскоре появится возможность говорить о культуре психологического переживания человека в пожилом возрасте, о таких способах преодоления психологических трудностей, связанных с жизненными ситуациями у старшего поколения и такой технике внутренней перестройки, овладев которыми личность пожилого возраста сумеет избавлять себя от психических срывов, вызываемых этим сложным и болезненным процессом, и направлять свои усилия на выработку конструктивного способа разрешения и преодоления критического состояния.

Литература

1. Максимова С.Г. Социально-психологические и биологические аспекты жизнеосуществления лиц старших возрастных групп: Монография. Барнаул, 1997.
2. Максимова С.Г. Социально-психологические особенности личности позднего возраста: Монография. Барнаул, 1998.
3. Максимова С.Г. Социальное положение одиноких лиц пожилого и старческого возраста в контексте проблемы адаптации в современных нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1998. №4.
4. Максимова С.Г. Социально-психологические и биологические аспекты адаптации лиц пожилого и старческого возраста: общие закономерности формирования и развития в характерных социальных пространствах // Сб. тезисов и статей Первого Российского съезда геронтологов и гериатров. Самара, 1999.
5. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г. Теории и модели практики социальной работы. Барнаул, 1994.
6. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.
7. Анастаси А. Психологическое тестирование: Пер. с англ. В 2-х кн. М., 1982.
8. Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М., 1979.
9. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979.